

Танец судьбы

СНЕЖКА

18+

Снежка
Танец судьбы

«Автор»

2026

Снежка

Танец судьбы / Снежка — «Автор», 2026

Я вижу мир как цепочку логических алгоритмов. Но как просчитать человека, который хочет меня уничтожить... или присвоить себе? За одни сутки моя привычная жизнь превратилась в пепел. Семья разрушена, на мне висят чужие долги, документы перепутаны, а у дверей караулят люди из мафии. Обычная девушка впала бы в панику, но мой мозг устроен иначе. У меня синдром Аспергера. Я не умею считывать чужие эмоции, зато идеально просчитываю риски. Чтобы выжить, я сделала единственный логичный шаг — обратилась за помощью к врагу своего злейшего врага. Он опасен, силен и привык играть по крупному. Станет ли он моим спасителем? Вряд ли. В его уравнениях нет места благотворительности. Но что, если этот холодный мужчина окажется для меня кем-то гораздо ближе, чем просто союзник? Меня зовут Алиса Ершова. Это история моего выживания, взросления и... любви, которую невозможно просчитать ни формулами, ни логикой.

© Снежка, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	24
Глава 8	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Снежка

Танец судьбы

Глава 1

Я открываю глаза. Взгляд упирается в мужской затылок. Чужая постель. Стягиваю на себя прохладную простыню, подтягивая плотную ткань до самого подбородка. Дыхание стопорится в пересохшем горле. Линия затылка спящего рядом мужчины выбрита коротко, почти под ноль, а на макушке темные пряди торчат в разные стороны.

Я фокусируюсь на этой детали, заставляя мозг работать, цепляться хоть за что-то, пока пытаюсь восстановить хронологию. На мне — только кружевные трусики танго. И это математически указывает на крайне высокую вероятность секса. А что, если контакт был незащищенным? Что, если он чем-то болен? Что, если в этом огромном доме он был не один?

Тошнота подкатывает к горлу. Придерживая ткань на груди, я медленно, контролирую скрип матраса, приподнимаюсь. Стоит оторвать голову от подушки, как затылок простреливает тупой болью, и она ползет по позвоночнику вниз, сплетаясь в желудке с тяжелыми похмельными позывами. Я ведь почти не пью.

Вспышка. Приглушенный свет, вибрация басов где-то под ногами. Низкий голос над самым ухом: «*Предпочитаю лучшее*». Мужчина протягивает мне тяжелый стакан из дорогого хрусталя с янтарной жидкостью.

На вид ему около тридцати. Крупный, собранный. Лицо спокойное, без признаков маньяка. Мы вчера в клубе даже не познакомились.

Я помню, как подношу стакан к губам и выпиваю залпом. В пищеводе тут же вспыхивает пожар, жидкость просится обратно, обжигая связки. Я кашляю, задыхаясь, а он молча протягивает фужер шампанского. Запить. И я, человек, который обычно и капли в рот не берет, выпиваю и его. Целиком. Гулять так гулять, с героическим надрывом.

На цыпочках обхожу кровать. Ступни обжигает холодом черного паркета. Попутно отмечаю детали: комната давит вычурным масштабом. Овальное зеркало на потолке, картины с обнаженными нимфами на стенах — модерн, стилизованный под современность.

Скользю взглядом по мужскому лицу и опускаюсь ниже, на заросшую жестким волосом грудь. Июль в этом году выдался удушающим, ночи не приносят прохлады, и спит он, естественно, нагишом. Фигура массивная, литая — четкий рельеф мышц не сглаживает даже расслабленная поза. Сильный человек, раз такой крупный. Очевидность моего открытия упирается прямо в меня: ткань сбившейся простыни натянулась, очерчивая совершенно конкретный, физиологичный бугор. То, что в народе изящно именуют утренним стояком.

Габариты озадачивают.

Внутри просыпается методичное, почти научное желание изучить объект подробнее. Так сказать, исключительно для расширения кругозора. Если уж я с ним переспала, логично собрать максимум данных, с чем я имела дело. А вдруг придется выступать свидетелем в суде? Детали важны.

Делаю шаг ближе, осторожно склоняясь над кроватью. К счастью, никакого специфического запаха свершившегося ночью секса нет. Только его собственный. Я втягиваю воздух носом. Шлейф сложный: терпкий, соленый, с тяжелыми, горьковатыми нотками мускуса и амбры. Запах густой, заманчивой. Определенно мне нравится. Мог ли этот аромат отключить мою систему контроля и стать причиной ночных подвигов? Данных недостаточно. Возвращаю взгляд на бугор под простыней и отворачиваюсь.

Где моя одежда? Вчера мы с Юлькой спасались от тридцатиградусного пекла в торговых центрах. Я была в длинной летней юбке до пят, футболке и походных босоножках. Никакой косметики — при таких температурах любая поплывет. Юлька прошла первый отбор на прослушивание в шоу «Маретовых», и ей жизненно необходимо было это отметить. Я пошла за компанию, хотя в висках уже тогда стучало, и хотелось только одного: домой, под кондиционер, в спасительный вакуум прохлады. Какие, к черту, танцы в клубе, когда не хочется даже дышать?

Нужно срочно уходить, пока он не открыл глаза. Я сканирую пространство. Ничего похожего на мою юбку здесь нет, но не могу же я выйти к такси в одних трусах? Как на меня посмотрят соседи и родители? С другой стороны, животных и маленьких детей не штрафуют за то, что они разгуливают как есть. Вроде бы это не преступление. Собаки же ходят по улице голыми? Ходят. Но вот лошадь в трусах выглядела бы максимально нелогично. Так кто я в этой системе координат? Мозг тщательно пережевывает эту концепцию, спасаясь от паники. Я смотрю на спящего мужчину — его расслабленная поза и физиологическая реакция словно ждут, пока я приму решение, куда делась моя одежда.

Ладно, нужен сбор информации на местности. Осторожно выглядываю в коридор. Дом подавляет габаритами. Несколько комнат на втором этаже, внизу — огромный холл, винтовая узорчатая лестница. Особняк производит впечатление. Дизайн кричит о чужих деньгах: чистые белые и бежевые тона, крапления патины. Прохожу мимо каминного зала с обеденным столом на двенадцать персон. Широкие окна выходят на ухоженный участок. Дальше помещения меня не интересуют, потому что мой фокус сужается до одного объекта: на спинке белоснежного дивана лежит моя пропажа.

Вспышка. Еще одно воспоминание бьет по нейронам.

«*Налить тебе что-нибудь?*» — спрашивает он. Подходит к бару со спиртными напитками и медленно, тягуче стягивает с шеи галстук.

А я молчу. Киваю, соглашаясь. Затем одним слитным движением стягиваю через бедра цветастую юбку, аккуратно укладывая ее на край дивана.

У мужчины перехватывает дыхание. Скорее всего, не от вида моих ног и соблазнительной попки в танго, а от масштаба моей безбашенности. Его тяжелый, жадный взгляд, не таясь, устремляется в мой треугольник между бедер.

Я сама ее сняла.

Сама!

Какая, к черту, благопристойность? Приехать в особняк к незнакомому мужчине и первым делом стянуть юбку. И тут же включается внутренний критик: А что ж сразу не трусы? Раз уж такая смелая? Это я его так сильно хотела? Но логика тут же выдает абсурдное оправдание: обычно люди разуваяются в гостях. Мои босоножки остались где-то под барной стойкой «Атлантиды». А поскольку я была в гостях, я сняла юбку до пят, видимо, свято соблюдая свои извращенные правила приличия.

Вечер обрастает незабываемыми подробностями.

Спешно натягиваю одежду. В глубоких карманах лежат сотовый и карточка. Дисплей слепит цифрами: 20 пропущенных звонков от папы, 5 от мамы, и ни одного от Юльки. В горле встает ком отчаяния. Веселье грозит обернуться катастрофой. Засранка, не то чтобы билась в конвульсиях от тревоги, она вообще где? Пальцы сами набили номер такси.

Место предполагаемого позора я покинула не глядя. Очутившись в безопасности салона, набрала номер подруги, и спустя сто бесконечных гудков та, наконец, взяла трубку.

— Восемь утра, я сплю, — хрипит динамик.

— Что это была за дрянь? — мой голос звучит глухо.

— Нет больше. Ай-ай-я, голова трещит...

Юлька бросила трубку, а мне осталось только возвести глаза к небу салона, надеясь, что эти неприятности растают, как сон, а от последствий будет избавиться легче, чем от юбки на собственной талии. Вчера же получилось.

Глава 2

Никак не перенести встречу воскресного обеда с родителями, и мне ничего не остается, как хорошенько опоздать. Не то чтобы я не люблю семейные общественные мероприятия, но, как правило, они проходят в присутствии чужих. Точнее — кандидатов мне в мужья. И, как правило, мне положено на них исполнять роль хорошей девочки. Желательно — молча.

Оттягивая момент, я вышла из такси за три квартала и неспешной походкой двинулась в сторону ресторана у «Яблоньки». Мысли все равно возвращаются к прошедшей ночи. Как меня угораздило? Я ведь никогда не бываю такой развязанной! Чтобы я еще раз взяла что-нибудь из чужих рук... Я не ожидала такого сюрприза от подружки — мы дружим с детского сада. Юлька по телефону о случившемся нагло не отпиралась:

— У тебя головная боль прошла?

— Прошла! Так чего на меня катишь? — вот и весь её ответ.

Головная боль прошла и в самом деле, а вместе с ней, видимо, отключилась и логическая способность мыслить. В целом не случилось ничего критичного. Мы весело потусили. Танцы — моя страсть. Но вот потом...

Приближаясь к ресторану, я внутренне приготовилась к тому, как сейчас мама начнет знакомить меня с очередным кандидатом. На вылет, вот кто эти принцы. Напыщенные самолюбленные коты (иногда так и тянет добавить в начале букву «с»). Кто желает получить в жены тупую девушку с деньгами? В конце концов, свой круг — он только свой. Как говорит мама: «Деньги к деньгам, любовь тут ни при чем».

Внутри я прохожу через прохладный холл за встретившим администратором, немного остывая от жары. Они должны сидеть за столиком у высокого окна. Отец — для чужих Юрий Николаевич Ершов, мама — Ирина Борисовна, и третий.

Дела идут у отца последние полтора года неважно. Все в городе знают: связываться с Танталовым себе дороже. Крупнейшая мафиозная шишка на всем южно-сибирском регионе; если что-то дает кому-то, возвращает в пять раз больше. Но у папы не было выбора. Он залез в долги, и это видно по нему. Отец сильно похудел; резкий сброс веса заострил черты, моментально его состарив. На висках щедро добавилась седина. Они с мамой почти не разговаривают в последнее время — видимо, обходят болезненную тему для обоих.

— Понимаю. У Танталова случаются нестыковки с оплатой. Все знают, — с этими словами отец оттягивает душащий его галстук, смотрит на сидящего напротив человека и нервозно улыбается вовремя подошедшему официанту.

Мне очевидно, что отцу неуютно в этом полосатом сине-желтом кресле, декорированном под барокко, с деревянными завитушками на ножках. Мамы нигде не видно. Судя по словам отца, с ним сидит не жених, а партнер. Такое бывает, когда требуется продемонстрировать, какие у отца с ним общие семейные ценности. Указать на схожесть жизненных путей. Но обычно, если такое и случается, это ровесники отца. Люди зрелые, имеющие порой не одну, а несколько семей.

— Будем делать заказ? — белоснежная витринная улыбка официанта растаяла под тяжелым взглядом отца.

— Семгу и красную икру. Что с вином?

Официант отыскал взглядом сомелье и подал знак приблизиться.

— Вы кредитовались у Танталова? Можно узнать, что планируете делать дальше? — партнер отмахнулся от официанта, показывая, что ничего не решил про заказ. Звук его голоса — с той самой низкой, глухой вибрацией — заставляет меня сбиться с шага.

— Аренда, дробление, распродажа. Обычные дела, — отец пожимает плечами, так, словно хорошо разбирается в недвижимости.

— Кредит под самую недвижимость? Не рискованно ли?

— Знаю, рынок не на подъёме, скоро всё изменится. Это же недвижимость, что с ней станется? Слышал, ты хочешь сменить сферу деятельности...

— А вот и я, — моих плеч коснулись с двух сторон прохладные мамины руки. У неё всегда на ногтях безупречный маникюр. Несмотря на возраст, ей не дашь больше сорока. — Ты всё-таки пришла.

— Привет, — отзываются я, наблюдая, как папа поднимает взгляд, а партнер неспешно оборачивается.

Ох, только не это. Только не это! Ну не может быть!

— Наконец, — отец встает, уступая место маме.

Я же смотрю в эти зелёные глаза и не могу ничего сказать или сделать. Откровенно говоря, мне просто нечем дышать. Грудную клетку сдавливает, а в воздухе сквозь запахи ресторана вдруг проступает фантомный, тяжелый шлейф амбры и соли.

— Знакомьтесь. Моя Алиса. Артем Берцев.

Артем коротко кивает. В его зеленых глазах, еще мгновение назад недовольных и мрачных, всплывает насмешливое любопытство. А у меня перед глазами тут же всплывает утренний бугор под простыней. В мужском взгляде — вежливая усмешка того, с кем я сегодня делила постель. *В каких именно смыслах делила* — неизвестно! Зато у него мягкая кровать и хороший дом. Ведь на его месте вполне мог оказаться бомж, проснись я с ним где-нибудь в канаве или на улице. От этих мыслей меня ощутимо передергивает. Сомневаюсь, что я заглянула бы бомжу под покрывало или пленку. Ну, может, и заглянула бы? А вдруг бомжами становятся именно от того, что у них маленькое достоинство? Кажется, для мужчин честь и достоинство на первом месте. Так, по крайней мере, говорит папа.

— Ваша дочь?

Отец подталкивает застывшую меня к диванчику, на котором сидит Артем. Чувствую, как к лицу приливает тяжелый жар, а шея под волосами становится влажной. Черт, черт, черт — он же видел меня голой. Я его, правда, тоже видела, так что счет один-один — технически мы квиты. Но что было между нами? Было? Если люди спят всю ночь голыми в одной постели, означает ли это, что между ними стопроцентно что-то было? В поездах дальнего следования люди тоже спят. И в автобусах спят. Значит, не обязательно было. А если все-таки случился секс, то было или не было?

— Я слышала, у них отличные блины с черной икрой. Лучшие в городе. Артем, вы их не пробовали? — мама с привычным изяществом расстилает на коленях салфетку.

Она одета в элегантное зеленое платье от Живанши. Мне достался от нее красивый цвет волос, только у нее он убран в сложную прическу — изящную и одновременно простую. А мой, растрепанный и спутанный от ходьбы, висит как попало. На лице у мамы почти незаметный роскошный макияж, а на моем — залегли круги под глазами от нетрезвой ночи.

Еще одно воспоминание бьет по вискам.

Я танцую в центре танцпола. Вокруг меня расступается круг наблюдателей. Я умею хорошо двигаться. Музыка прошивает все мое существо, вибрирует в грудной клетке, бьет по ушам. В следующее мгновение в толпе возникает Артем. Я замираю, сбита с толку. И тут же оказываюсь в его руках. В тесном кольце. Он жестко, габаритно прижимает меня к себе, лишая пространства. Я обвиваю руками его плотную шею, мне приходится встать на цыпочки. Его губы накрывают мой рот. Я теряю ориентацию в пространстве, сдаваясь этому вкусу. Сдаваясь физической власти чужого человека.

— Пробовал, очень вкусные, — Артем смотрит прямо на мои губы, и я чувствую, как пульс тяжело ухает в горле. — С удовольствием попробую еще раз.

— Садись, — руки отца нервно подталкивают меня к его дивану. — Мы как раз делаем заказ.

Судя по резким, дерганым движениям отца, дела совсем плохи. Я знаю, транш должен пройти на днях, но в подробности дел не вникаю, только слышала домашние обрывки разговоров.

— Алиса. Только что получила диплом педагога. Хотя по виду и не скажешь, верно, Артем? С таким же успехом можно ходить голой по улицам, — мама, как всегда, в своем репертуаре. Я типа сапожник без сапог. К счастью, купить статус за деньги можно всегда.

— Мам, не стоит. А то я и в самом деле скоро буду ходить голой по улицам, — отвечаю я, продолжая тупить и не садиться туда, куда давно пора усесться.

А чего теперь ломаться, когда уже голой проспала, на письку посмотрела и даже кое-что вспомнила. От этих воспоминаний дышать становится нечем, а во рту пересыхает так, что язык скребет по небу.

Артем учтиво улыбается и даже бровью не ведет. Протягивает руку. И мне ничего не остается делать, как пожать ее. Она теплая, гладкая. Обычное рукопожатие. Ну не может же он упасть на спинку дивана, заржать, почесать там яйца и сказать при моих родителях: «А ты помнишь, как мы здорово с тобой вчера? А? Трахнулись? Чпокнулись? Какие вообще есть варианты у этого действия?»

Глава 3

— Приятно познакомиться, очень приятно, — тон его вполне светский, если не сказать любезный.

Я сажусь с ним рядом на диванчик, и от его присутствия, от самого факта случившегося, меня накрывает плотной волной жара. Теснота пространства давит.

— Мне тоже, — стараюсь казаться отстраненной, но его ладонь до сих пор сжимает мою, и я растерянно поднимаю взгляд, но тут же его прячу. Зачем он задерживает мою руку в своей?

— Что будешь заказывать?

Да, он смеется надо мной. Или нет. По крайней мере, во взгляде мне не удалось ничего прочесть. Приходится снова поднять веки и посмотреть ему прямо в глаза. Воздух густеет, меня словно кидает из стороны в сторону от нехватки кислорода.

— То же, что и ты, — неловко вытаскиваю пальцы из захвата, но ощущение, будто надо мной нависает скала, остается на прежнем уровне.

— Вы знакомы? — ничего не ускользает от моей пронизательной мамочки.

И от этого вопроса хочется куда-нибудь деться, раствориться, исчезнуть. Не рассказывать же ей, что ее доченька выпила таблетку непонятно чего, полночи танцевала в клубе (*хотя с виду звучит вроде бы ничего неприличного*). А вот потом, потом я провела ночь в постели с партнером отца. Любопытно, как бы на это отреагировал папа? Стоит ли ставить под срыв сделку, настолько жизненно важную? Он же места себе не находит вот уже несколько месяцев. И вообще, кому приятно осознавать, что его ребенок вырос в человека, способного на такое поведение?

— Нас недавно познакомила общая приятельница. Занимается танцами, — спокойно сообщает Артем.

Мозг тут же начинает вычислять: где и когда он успел пообщаться с Юлькой? От одного упоминания о ней мамыны глаза превращаются в две узкие щелочки. Она недовольно косится на меня, но ничего не говорит. Я же испытываю искреннюю благодарность к подошедшему официанту, который начинает сервировать мое место — теперь можно легально занять руки бокалом с ледяной минералкой. К счастью, папа полностью поглощен картой вин и не замечает наш милый междусобойчик.

— Как тесен мир, — соглашается мама и загадочно смотрит на Артема. — У вас есть семья?

А вот мне тоже любопытно. Есть? Ну, жена там, дети? Как глубоко я упала, если ночью между нами все-таки что-то было?

— Только родители, — голос Артема звучит ровно. — Живут на Дальнем Востоке, у отца немного земли. Занимаются выращиванием скота, вином.

— Любопытно! Выходит, никогда не были женаты?

В этот момент мне хочется закатить глаза или вылить весь бокал с минералкой себе прямо на голову. Лишь бы почувствовать физическую прохладу. Сельское хозяйство маму совершенно не интересует. Это ее обычная «песня» под кодовым названием: «Расскажите мне, Артем, можно ли за вас выгодно выдать нашу доченьку?» Но, признаюсь, в этот раз мне тоже чуть-чуть любопытно. Вопрос только в том, это такое любопытство, которое я в себе уже убила, или только слегка зашибла?

— Пока не был.

— Вы, наверное, хорошо разбираетесь в вине?

— Не очень. Но запахи запоминаю довольно четко. В роду были парфюмеры.

— То есть стоит один раз услышать, понюхать, и вы запомните?

Артем делает медленный глоток воды и коротко кивает.

— Как увлекательно! А потом с закрытыми глазами можете определять? И какой, по-вашему, самый лучший? — еще пара секунд, и мне начнет казаться, что мама с ним откровенно флиртует.

Я с трудом проглатываю воду, с опаской косясь на папу. Он углубился в изучение вин, кажется, насовсем. Отец умеет так отключаться от реальности: смотрит в меню, а думает над чем-то крайне сосредоточенно. И, скорее всего, цифры в его голове далеки от стоимости алкоголя.

— Я не знаю, у каждого свой, — отвечает Артем.

— И все же? Какой, по-вашему, самый-самый? Артем, не таитесь.

Артем смотрит на маму, затем переводит взгляд на меня. Уголки его губ едва заметно дрогнули. Он чуть поворачивает голову в мою сторону — движение мимолетно, но я отчетливо вижу, как он втягивает носом воздух. Меня накрывает диким замешательством. Он нюхает меня. Прямо сейчас. И это ощущается чересчур интимно. Слишком близко, нарушая все границы. Дыхание перехватывает спазмом, я пытаюсь втянуть кислород, но совершенно не чувствую на языке холодных пузырьков минералки.

Артем переводит спокойный, искренний взгляд обратно на маму:

— Женский. Любая женщина пахнет божественно.

— Ох, да вы льстец и большой хитрец, — она заливается смехом, очевидно принимая эти слова за личный комплимент.

Папа кивает, подзывает к нам сомелье и делает заказ на французское летнее Кюве. Мама, крайне довольная собой, не сводит кокетливого взгляда с Артема. Тот невозмутимо пьет воду. А я чувствую, как лицо обдаёт жаром такой силы, что кожа на щеках начинает гореть, пока перед глазами разворачивается остаток вчерашнего вечера.

Вспышка.

После фужера шампанского он притягивает меня к себе и целует. Вкус виски и терпкого вина смешиваются на языке, градус расслабляет тело настолько, что я едва держусь на ногах. Пространство кренится.

— Пойдем, — его глухой голос бьет по нервам. И я покорно иду следом наверх.

В спальне он усаживает меня на край широкой кровати и велит подождать, пока сам скрывается в ванной. Шум воды. Вероятно, он что-то моет или берет презервативы. Реальность вокруг теряет контуры, плывет, и я проваливаюсь в тяжелую полудрему. Падаю спиной на покрывало.

Спустя какое-то время я балансирую на грани: сплю и не сплю одновременно. Тело тяжелое, расслабленное алкоголем. Фиксирую факт: чужие мужские руки стянули с меня футболку. Кожу обжигает ночной прохладой от кондиционера. Мои ноги согнуты в коленях и привычно, анатомически разведены в стороны. Артем опускается на пол прямо между ними.

Я чувствую, как его нос прикасается ко мне. Кончик скользит по тонкому кружеву трусиков-танго, и он глубоко, протяжно втягивает в себя воздух. Я считываю каждое его движение: через обжигающе горячее дыхание, вырывающееся из его рта, через жесткие губы, которые трутся о ткань прямо на мне. Они задевают чувствительную внутреннюю сторону бедер. А он все дышит и дышит. Мной. Лицом он тяжело, плотно вжимается в меня, прямо в эпицентр нервных окончаний. Вбирает мой запах, пачкается им. Дышит громко, шумно, с откровенным, животным наслаждением.

— Божественный аромат женщины. Какая прелесть. Думаю, любой мужчина с вами согласится, Артем. Верно, дорогой? — голос мамы прорывается сквозь вакуум воспоминаний.

— Смотря где и из какого места несет, дорогая, — не отрываясь от меню, отзывается папа.

Ну, он всегда очень конкретен. Люблю эту черту.

— Запах женщины — это так романтично, — не унимается мама, кажется, еще больше распаяясь от прагматичного сопротивления мужа. Ей жизненно необходимо поддержать эту пикантную тему. — Кажется, был такой фильм с Аль Пачино, не помню точно.

Все это время я почти физически, кожей ощущаю тяжелое присутствие чужого тела справа от себя. Артем поглядывает на меня — изредка, искоса, но я чувствую этот взгляд. В памяти слишком живо, слишком осязаемо пульсирует воспоминание о том, как его губы и дыхание обжигали меня через кружево. Вчера он жадно, бесконечно долго прикасался ко мне там, не вторгаясь внутрь. От фантомного ощущения этого влажного жара внизу живота все стягивается тугим узлом. Я даже не знаю, от чего мне невыносимее: от самого факта воспоминаний или от социальной неловкости происходящего сейчас за столом. Но факт остается фактом — между моих ног становится горячо и влажно.

— На минуту, — резко сообщаю я и, отодвинув стул, сбегая в дамскую комнату.

Сидеть с ним рядом больше физически невозможно. Нужно умыться ледяной водой. Уровень сенсорной перегрузки превысил все допустимые нормы.

Глава 4

Спустя пять минут в дамский туалет зашла мама.

— Что у вас происходит? Ты вся на нервах.

— Ничего. Попросту странный тип. Новый партнёр отца?

Она подходит к зеркалу и, глядя на меня через отражение, начинает поправлять и без того безупречный макияж.

— Ты хоть иногда интересуешься его делами? Отец совершает крупнейшую сделку в жизни. Не заметно, как он не в себе? — она манерно возвращает невидимый волосок на место.

— Ты к нему вечно придираешься. Зачем тогда меня позвали? Зачем вообще всё сливать?

— У Берцева большая семья. Продаёт, потому что возвращается. Приятный мальчик, не находишь?

От этого эпитета я опускаю взгляд на белую раковину. Приятный. Какое странное, плоское слово. Ведь этот «приятный мальчик» вчера мог взять меня в любой позе, как только бы захотел, но почему-то не стал. Вместо этого мне было так хорошо, что я даже не помню, стояла ли вслух или только в своей голове. И физиология, в обход всякой логики, тут же услужливо подсказывает: хочется ещё. И ещё. Мы ведь не завершили начатое. Щеки снова обдаёт неконтролируемым жаром.

Нужно перестать об этом думать. Моя реакция не укрывается от мамы. Она смотрит участливо, а потом, сделав шаг ко мне, начинает приводить меня в порядок: убирает волосы за плечи, осматривает кожу на лице, смахивает несуществующие пылинки.

— Можно тебя о чем-то попросить? — говорит она, и её холеное лицо оказывается так близко, что мне не солгать.

Наверняка сейчас будет ругать за Юльку. Обреченно киваю.

— Если Артем будет ухаживать за тобой, откажи ему.

Я моргаю, сбита с толку нелогичностью вводных.

— Он партнёр отца. Пока сделка не пройдет, будет лучше, чтобы он к тебе был благосклонен. Понимаешь, о чем я?

Пару секунд мозг пытается сопоставить данные. В смысле, чтобы он хотел меня, но не получал? Как любит повторять мама: «ничего не давать, все забрать».

— Танталов до сих пор не провел кредит? — спрашиваю я. Пальцы сами собой вцепляются в прохладный край раковины — уровень тревоги за папу резко подскакивает.

— Провел. Но никому об этом знать не нужно. Будь умницей. И позвони Назару.

Вот уж точно, кому я не собираюсь звонить — так это ему. На моей памяти это мой первый парень из простой семьи, который понравился маме. Настолько удивительно и неожиданно.

Чёртов Назар буквально прописался у нас. И это дико раздражает, так как теперь мама может смело заявлять, что она одинаково относится ко всем людям, независимо от статуса. Но больше всего меня выводят из себя приходы Назара с ожиданием меня. Ему ничего не стоит просидеть в нашей гостиной несколько часов кряду, попивая с мамой чай-кофе. Как будто у человека нет других, более рациональных дел.

— Со своими друзьями я сама разберусь.

— Да, да, — она достает из сумочки красную помаду и пудру, чтобы освежить макияж.

— Мам, я знаю, что здесь не место, но...

Она тщательно пудрится и, не глядя на меня, улыбается себе в зеркало:

— Как я?

— Хорошо, — киваю. — Mam, я хотела тебе кое-что рассказать.

Она убирает косметику, достает духи и делает короткий вдох.

— Аромат женщины, — смеётся она. — Ты ведь поняла, о каком именно аромате он говорил?

— Нет, не поняла.

— Ты ещё совсем ребёнок.

— Mam! Мне сделали предложение по работе.

Она замирает. Перестает кокетничать со своим отражением и медленно выпрямляется.

— Алиса, здесь и в самом деле не место.

— Но потом мы будем заняты.

— Поговорим дома.

— Да невозможно дома! — всплескиваю руками. — Вы же без конца ругаетесь.

— Мы уже всё обсудили. И ты знаешь, я права.

— Нет.

Она распыляет духи, и замкнутое пространство мгновенно погружается в удушливо-тонкий цветочный аромат Дольче Габбана.

— Алиса, женщина должна выйти удачно замуж. Работа для тех, у кого нет денег. Понимаешь? Для нищих. Учительство — это нищая профессия!

— Я получила образование, чтобы работать. Mam, это делают не только ради денег.

— Образование образованием, но ты не будешь работать. Ты не сможешь! Ты меня уже однажды подвела. Ты могла стать великой. Не захотела. Ты думаешь, всегда будешь такой молодой? Свежей. Привлекательной? Всегда будешь нравиться?

— Нормальный у меня вид, мам, это всего лишь работа.

Она закатывает глаза к потолку, шумно вдыхая сладкие ноты своих же духов. Когда она злится, то становится похожа на какую-нибудь испанку или итальянку. Очень красивая и крайне драматичная.

— За что мне это наказание! За что? Нет и ещё раз нет, — решительно взмахнув рукой, она направляется к двери.

— Тогда я поговорю с папой. Ну, пожалуйста, мама.

— Результат будет тем же.

Дверь тихо затворяется за ней, и я остаюсь в помещении одна. Чертыхаюсь. Дома вышло бы ещё хуже. Смотрю на себя в отражение.

Диплом отнял много сил. Проект оказался настолько увлекательным, что я и в самом деле отложила весь свой имидж в дальний угол. Оно того стоило. Чем больше я работала над проектом, тем лучше понимала, что работа с детьми — моё призвание. Оставалось только убедить маму. Хотелось бы знать, что такого ведомо зрелой женщине, чего не видно в мои двадцать? Может быть, она и права. Но я хочу работать, хочу заниматься творчеством.

Возвращаюсь в зал. Уже подали заказ. Сажусь рядом с Артемом и стараюсь его не замечать. Беседа неспешно течёт вокруг нейтральных тем о погоде, о недвижимости и поездках в отпуск. Мне хочется только одного: как можно быстрее покончить с этим.

Я стараюсь игнорировать его присутствие, но мое тело отказывается подчиняться. Справа от меня словно работает мощный обогреватель, излучающий тяжелую энергетику. Из-за этого фантомного напряжения блокируются рецепторы: я механически пережевываю еду, но почти не чувствую ее вкуса.

— В любом случае, они подомнут под себя любого, кто встанет на их пути.

Это любимая тема папы: махинации в финансовой сфере с участием Танталова. Его группа компаний подмяла под себя самые разные направления в Омске. Химия, строительство, ремонт промышленных объектов, нефть. Город по меркам бизнеса не такой уж большой, поэтому любые крупные движения у всех на виду.

— Забыла, — мама делает взмах рукой, и в приглушённом свете дневного солнца стразы на её ногтях вспыхивают, переливаясь бриллиантовым отсветом. Она протягивает конверт. — Вы знаете о летнем Бале цветов? Я вас приглашаю, Артем.

О нём только глухой не слышал. Каждый год после выставки «Флора» местные богачи устраивают в стенах музея Врубеля благотворительный бал. На старинном паркете будут плясать бизнесмены и крупные чиновники с семьями, попутно жертвуя на аукционе немалые суммы на поддержку и процветание города. У здания разбирают роскошную локацию с лучшими работами ландшафтных дизайнеров. Танталов устраивает это мероприятие ежегодно. Событие потом долго и с упоением смакуют в местной прессе, типа «Омского вестника».

— Сегодня в восемь. Смокинг или вечерний костюм обязателен. Центр оцепят, так что учитывайте парковку, — добавляет мама.

Артем протягивает руку, чтобы принять приглашение, и намеренно, в тесноте дивана, задевает меня бедром. Прикосновение мимолетно, но мышцы под его брюками ощущаются как литой камень. По телу прокатывается горячая волна, окончательно перекрывая мне способность дышать и глотать. Сил выносить этот обед у меня больше нет. Мой лимит исчерпан.

— Всем спасибо, мне нужно бежать. Дела, — сообщаю я.

Встаю, наклоняюсь к отцу для поцелуя, но он неожиданно тоже поднимается со стула.

— Я провожу тебя.

Мы отдаляемся от столика, но у меня хороший слух. Я отчетливо слышу, как Артем спрашивает у мамы:

— Она у вас всегда такая... внезапная?

— Быть родителем нелегко. Алисе нужна крепкая рука. Просто необходима. Направлять точно нужно, — тут же затягивает свою песню мама. — Вот представьте, сейчас так модно прыгать с парашютом. Это же смертельно опасно. Но у нее это идея фикс. А вы любите риск, Артем? Давайте-ка я к вам поближе сяду.

Мы с папой выходим на улицу, погружаясь в душный, почти банный воздух. Шум города мгновенно окутывает нас. Жаркий сухой ветер разогревает кожу даже сильнее прямого солнца, вытягивать кислород приходится с усилием.

— Увидимся вечером, — сообщаю я, доставая из кармана и протягивая ему флешку.

— Давно ты меня не радовала, — отец искренне улыбается и прячет её в карман брюк.

— Пока помогала Юльке с прослушиванием, немного записала. Там всего пять минут.

Когда-то я занималась танцами всерьез. Это была мамина навязчивая мечта — произвести на свет великую балерину или танцовщицу. Травма связок пять лет назад изменила мои планы и направления. Мама до сих пор не может мне этого простить. Не может до такой степени, что смотреть на мои попытки танцевать после восстановления категорически не собирается. Мне жаль. Жаль, потому что она бы передумала, если бы увидела. В логике ей не откажешь, но упрямства в ней больше.

Отец привлекает меня к себе, обнимает и с затаенной нежностью целует в висок. Он гордится мной, и ему так же, как и мне, нравится иметь этот маленький секрет от мамы.

— Я солью себе и положу на стол в твою комнату, как обычно.

— Хорошо. Вечером после бала заеду, — обнимаю его в ответ.

От папы пахнет домом, уютom, абсолютной безопасностью. Затем я легко отрываюсь и, соскочив со ступеней, ухожу. Вечером мы всё равно увидимся: сначала на балу, а потом дома. Предложение по работе греет душу, и мне отчаянно хочется обсудить его с отцом. Вряд ли он меня не поддержит, но сейчас, пока идет эта тяжелая сделка с Танталовым, нагружать его своими проблемами нелогично. Посмотрю по ситуации вечером.

Я прохожу по улице мимо высокого окна ресторана. И на секунду поворачиваю голову. Сквозь стекло я ловлю на себе взгляд Артема. Тяжелый, задумчивый, плотный, он физически ощущается на моей коже даже через преграду.

Будет ли он сегодня на балу? И будет ли он там один?

Глава 5

Мы входим в фойе и проходим охрану. На запястья нам ставят печати, видимые только при определённом освещении. По расширившимся зрачкам пропускающих я мгновенно считываю данные: моё платье — то, что нужно. Эффект достигнут.

На мне черные капроновые колготки и плюшевое боди интенсивного фиолетового цвета с несколькими серебристыми помпонами. На ногах — туфли на высокой шпильке с серебристыми вкраплениями на черном фоне. А сверху — платье из сквозной черной органзы. Юбка пересобранного фасона «солнце», под которым абсолютно насквозь просвечивают шелковые черные трусы высокой посадки и плотный лифчик. Фасон классическо-строгий, под самое горло, но прозрачный. Я сделала математически точные выводы из маминых сегодняшних замечаний в туалете.

— Еб**утая, — констатирует сквозь зубы Юлька. — Может, до сих пор таблетка действует?

— Трусишка, — радостно сообщаю я.

В голове я представляю реакцию мамы, и это волнует меня куда больше, чем мнение всех остальных гостей грядущего торжества.

— Купальники бывают с гораздо меньшим количеством ткани. Всё закрыто. Прозрачное — так задумано.

— Потом будут говорить, что ты пришла в одних трусах и без лифчика.

— Почему, если женщина ходит в одном лифчике без трусов, это прилично, а наоборот — нет? Слишком авангардно? Платье было в одном из модных журналов за последний месяц. Железный аргумент.

— Ты такая забавная, Алис.

Улыбаюсь.

— Правда? — я ей искренне благодарна за комплимент.

— Нет! Просто хотела тебя подбодрить. Местные не оценят, — Юлька любит риск, но сейчас откровенно паникует.

По мне так — паника на пустом месте. В конце концов, на мне и лифчик, и трусы. И даже боди.

Сама она надела коктейльное платье, практически без каких-либо украшений. Ей идёт. Юлька блондинка, с фигурой профессиональной танцовщицы, так что даже скромная классика выглядит на ней по-царски.

— И что же, по-твоему, ценят?

— Классику ценят.

В награду за этот конформизм она получает от меня презрительный взгляд.

На нас смотрят все без исключения. Я фиксирую у своего платья необычный статистический эффект: женщины не улыбаются совсем, зато мужчины — очень широко. Дальняя стена зала оборудована под сцену, на стенах висят шедевры Врубеля и других мастеров импрессионизма. Мне кажется, импрессионизм вызывает у людей точно такие же реакции, особенно когда на картинах обнажённые дамы.

Пока мы шли, в спину донеслось мычание, видимо, глуховатого старого генерала:

— Это что, проститутка?

— Нынче кого угодно пускают.

Встречаю убийственный взгляд Юльки, но мне всё равно. Потому что я тоже вижу, как они смотрят. И это приятно. Это дразнит. Бросает вызов и заставляет чувствовать внутри вибрацию драйва. Мы подходим к нашему столу, рассчитанному на шесть персон. Родителей пока нет.

Зато есть Берцев.

В строгом черном костюме с галстуком-бабочкой. Ткань идеально облегает его широкие плечи.

— Артем! — радуется Юлька.

Их поцелуи в щеки и обнимашки мгновенно обновляют мои файлы: память восстановилась не полностью. Я холодно киваю, садясь на свой стул.

— Как дела у Никиты? Его не будет?

Кто такой Никита, я не помню совершенно. Юлька сказала, что мы действительно только потанцевали, затем появился Артем, и я, недолго думая, решила с ним уехать. Бросила бедняжку практически одну, голодную в ночном клубе, полном мужчин. Я видела, там был бар, так что не поверила ей. А теперь выясняется, что бросила я ее вовсе не одну.

— Надеюсь, хорошо потанцевали? — спрашивает Артем, отвечая Юльке, но его тяжелый, немигающий взгляд при этом направлен исключительно на меня. Сквозь органзу.

— Отлично! Он и в самом деле танцует, и здорово. Чем он занимается? — Юльке явно хочется узнать больше о неизвестном мне Никите. Любопытно, она тоже провела ночь в постороннем доме?

В моих руках снова оказывается фужер с ледяной водой. Я кручу его за тонкую ножку, спасаясь от тактильного дискомфорта, и слушаю их. Жуть какая. Это Юлька накормила меня таблеткой «от головы», а неудобно сейчас мне, словно это я наворотила дел.

— Разные дела.

— Я не поняла, так ты его не знаешь?

— Он мой брат. — Артем чуть наклоняется вперед, вторгаясь в мое личное пространство. Уголки его губ дрогнули в темной, читаемой усмешке.

Он снова смотрит мне прямо в глаза:

— Похоже, кто-то совсем ничего не помнит?

Кожу на шее обжигает. Чувствую, как кровь тяжелым приливом бьет в щеки. Чёрт. А ведь и в самом деле, это будет удобно. Воспоминания возвращаются, но при этом возникает странное ощущение, как в детстве: взрослые говорят обо мне прямо при мне. К тому же есть просьба мамы. Она такая нелепая, неудобная. «Сделай так, чтобы он тебя хотел». Я поднимаю глаза на Артема, пытаюсь сканировать его внешний вид, чтобы определить — он меня хочет? Хочет или нет? Как это вообще должно выглядеть физически в сидячем положении?

— Да, совершенно ничего, — отстранённо улыбаюсь, не зная, как быть. — Ты прости, так вышло. Отличный вечер. Но проснуться в чужом доме с незнакомым человеком — это слишком, даже для меня.

Юлька поддерживает мою ложь натужным смехом. Я с такой силой сжимаю бокал в руках, что стекло скрипит. И не ставлю его на стол. Просто не могу разжать пальцы.

— Совсем?

Вопрос с подковыркой. Его голос звучит низко, вибрируя над столом.

— У меня болела голова, я выпила обезболивающего, а дальше ты видел, как на меня влияет алкоголь.

— Не верю. — Артем не сводит с меня глаз. В его расслабленной позе и приподнятой брови читается абсолютный, непробиваемый скептицизм.

— Не-а, ты просто не знаешь, она, когда танцует, становится как в трансе, — защищает меня Юлька.

Он ставит локти на стол и наклоняется ещё больше в мою сторону, практически прижимаясь к моему плечу. Я отстраняюсь от него максимально далеко, насколько позволяет стул.

— Ты обалденно танцуешь. Я никогда не видел, чтобы кто-то так двигался. Завораживающе красиво. Где ты училась? — он заглядывает прямо мне в глаза, и от этого тяжелого зрительного контакта кислород перестает поступать в легкие.

Делаю большой глоток ледяной воды из фужера. Мне совершенно не хочется об этом говорить.

— В детстве ходила в кружок.

— У неё травма. И мы занимались в профессиональной школе вместе. Твоя мама, помнишь, тогда обвинила меня во всем, — Юлька терпеть не может, когда хвалят не её таланты.

— Ты двигалась... Как первобытная плясунья, как колдунья, не знаю. Самозабвенно. Очень раскованно. Как...

— Как ведьма на шабаше, — шучу я, и мы с Юлькой смеёмся.

Артем не смеётся. Он изучает мое лицо, и в его взгляде читается откровенный, плотный интерес. Это будоражит и одновременно сбивает с толку. Он то и дело переводит взгляд с моих глаз на мои губы. Каждый раз, когда он это делает, в горле пересыхает, и я сглатываю, тихонько выдыхая. Кажется, логически понятно, о чем он думает, но я не уверена в этих данных на сто процентов.

Зато я четко ощущаю, как становлюсь влажной, физиологически откликаясь на его слова и близость. Я хорошо помню его обнажённым. И мне искренне любопытно: у меня одной сейчас происходят приливы крови совершенно не в то место, куда диктует социальная обстановка? И почему нельзя его просто потрогать? Это же чистое любопытство, обычная проверка фактов. Чтобы не начать коситься на его пах и не нарушать правила приличия, я усилием воли отворачиваюсь от него.

Вместо поддержания разговора рассматриваю рассаживающихся людей, продолжая кожей чувствовать на себе его тяжёлый взгляд. Скоро должны прийти родители. Мне совершенно не свойственно флиртовать с партнерами отца, а уж тем более бросаться в кровать с первым встречным.

Начинается банкет. К микрофону выходят губернатор, его приближённые и меценаты города. Среди них Танталов. Он давно не молод, лысоват, носит старомодные роговые очки. На вид ему хорошо под шестьдесят. Он, конечно, подтянут для своего возраста и совсем не выглядит дряхлым, но физиологию ничем не скроешь. Так же, как и властную манеру держаться. У человека тяжёлый взор, привыкший уютить окружающих подозрениями и недоверчивостью. Все эти детали быстро складываются в единый образ опасного параноика в дорогом смокинге, притворяющегося хорошим парнем.

Глава 6

Мы слушаем речи, дружно хлопаем. Мышцы сводит от нарастающего напряжения: места родителей до сих пор пустуют. Что-то произошло? Случилось ДТП? Они в последнее время много ссорились, и почти все конфликты инициировала мама. Неужели они прямо сейчас ругаются? Где-нибудь в машине или дома? Статистически маловероятно, что они могут просто так пропустить бал цветов. Приходится нетерпеливо ждать, пока завершится официальная часть.

Как только звучат последние аплодисменты, я срываюсь с места и выхожу за массивные двери банкетного зала в огромное мраморное фойе с широкой лестницей. Мимо меня спешат опоздавшие. На телефонные звонки родители не отвечают. Даже трубку не берут.

Спускаюсь вниз, в небольшой парк за зданием. Обычно здесь горожане устраивают пикники, играют с детьми на площадке или назначают свидания у фонтана. Но сегодня периметр пуст и оцеплен. Преображение пространства уникально: создан зеленый лабиринт, где в каждом из восьми тупиков разбита масштабная клумба. В девять вечера еще светло, но парк уже подсвечен желтыми фонариками, создавая искусственное ощущение таинственности. Жара немного спала. Слышно монотонное журчание воды.

Снова набираю номер.

— Алиса?

За спиной возникает Артем.

— Что-то случилось? — спрашивает он по-настоящему, в низком голосе слышится неподдельная тревога.

— Родители задерживаются. Сказали, будут через полчаса, — я быстро гашу экран мобильного, выдавая ложную информацию. — Проблемы с транспортом.

Я вынуждена сделать шаг назад, потому что его запах бьет по рецепторам. Я ощущаю его габариты, его массу — физически.

— Ты расстроена, — констатирует он и снова сокращает дистанцию, оказываясь близким настолько, что мы почти соприкасаемся.

Черт. Я чувствую не только дорогой парфюм, но и запах самого мужчины. Мозг моментально раскладывает аромат на компоненты: разогретое тело, солоноватый пот и тяжелый, терпкий запах паха. Очень легкий, скрытый под одеждой, но я знаю его, я досконально запомнила его с утра. И этот животный запах интимно приятен.

— Мне не по себе. Пожалуйста, отодвинься, — прошу я на выдохе.

На секунду Артем замирает. Пристально сканирует мое лицо, пытаясь отыскать признаки кокетства, шутки или чего-то, что дало бы ему зеленый свет. Затем он неохотно делает полшага назад, не сводя с меня потемневших глаз.

— Вчера ты... — его голос звучит хрипло, выдавая ожидание.

— Не помню. Но даже если и так, сегодня нет. Ты не в моем вкусе. Ты партнер отца.

— Бред.

Он делает выпад вперед, жестко замыкая пространство, и прижимает меня к себе. Мои рецепторы мгновенно перегружаются запахом его кожи. Я не успеваю издать ни звука — его тяжелые губы уже на моих. Дыхание стопорится в горле. В первую секунду я замираю от шока, пока Артем уверенно, властно изучает контуры моего рта. Никакой суеты. Его прикосновения несут в себе методичный, подавляющий ритм. Жесткими руками он фиксирует мое тело, прижимая к своей литой груди. Шаг, давление, смена угла. Все вместе это ощущается как танец. Идеальная прелюдия к танцу, где ведет исключительно он. Захватывает. Тело мгновенно...

Тело мгновенно откликается на его жесткий ритм. Я почти бессознательно подаюсь навстречу. Дыхание стопорится в легких, а внутри разворачивается тяжелая, сосущая пустота,

требующая продолжения. С ним. С человеком, который является абсолютно неожиданной переменной в моей жизни. И именно от этого возникает странное, тягучее ощущение, которому я пока не могу подобрать название. То ли паника, то ли эйфория.

— Я не хочу.

Выдавливаю это и в следующую секунду рывком отрываю себя от него. Чужим отказывать тяжело, но попробуй отказать собственной физиологии.

Он словно этого ждал. Сильные руки не размыкают кольцо. И это агрессивное удержание вопреки логике отзывается где-то под ребрами острой, пульсирующей вспышкой. Наверное, люди называют это радостью? От этой вспышки внизу, между ног, становится невыносимо тяжело и жарко. Несдержанные поцелуи смещаются на шею. Артем шумно, влажно дышит мне в ключицу, проводит языком по открытой коже. Внутри меня всё сжимается в тугой спазм от перегрузки рецепторов. Я стою, не отвечая, просто жду, когда он остановится, потому что сама остановить это не могу. Грудь наливается каменной тяжестью.

Наконец он поднимает голову. В сумраке парка его глаза кажутся почти черными, зрачки расширены. Лицо искажено тяжелым, откровенным голодом. И этот контраст между его властью и моей дезориентацией вдруг трансформируется в едкий, колючий импульс.

Я бью его наотмашь.

Звук пощечины хлестко бьет по ушам. Это срабатывает как тумблер. Плотная, душная аура вокруг него мгновенно кристаллизуется в агрессию.

— Если не хочешь обвинений при всех шишках города, отойди от меня, — на одной лишь силе воли я делаю шаг назад.

Он не отступает. Делает быстрый выпад и больно сжимает мою талию, жестко впечатывая в себя. Меня накрывает настоящей, неконтролируемой злостью. Предельно отодвигаюсь, упираясь ладонями в его скользкую рубашку. Мозг в панике ищет скрипты для защиты и выдает заученные фразы — то, что обычно выкрикивает мама отцу во время ссор.

— Ты старый козел! Понимаешь, что я слишком молода для тебя? Отпусти. Сейчас же. Меня сейчас стошнит. У меня есть жених. Или сделки с отцом не будет!

Выплюываю это на одном дыхании, на ультразвуке. Всё, что успела подкинуть память.

Артем резко разжимает руки. Несколько секунд смотрит на меня сверху вниз — тяжело, с холодной, уничижительной усмешкой.

— Ты не стоишь таких усилий, малышка.

Слова бьют, как ответная физическая оплеуха. Мозг с запозданием расшифровывает смысл: выходит, если бы я дала, меня бы просто поимели как приятный бонус к финансовой сделке и выкинули. И вот теперь, наконец, до меня докатывается чистая эмоция. Унижение. Горло сдавливает тошнотой. Кожу обдаёт ледяным ознобом от осознания собственной ничтожности перед ним, перед всеми участниками этой игры. Я дышу неровно, чувствуя себя расходным материалом.

— Передай отцу: если он не проведет транш до полудня завтрашнего дня, пусть ищет другое предложение. У меня уже есть покупатель.

Его взгляд на миг смещается к освещенным окнам здания, где гремит бал. Моя аналитика мгновенно складывает пазл. Понятно, кто этот покупатель. Приобретая столько недви-

мости разом, он забирает не просто активы, но и влияние на торговую политику в городе. Ведь именно он будет определять, что сдавать в аренду и кому. Вопрос имиджевый, большинство помещений расположены в центральной, старой части города. Потянуть такие объемы может только Танталов.

— Урод, — цежу я. Мне жизненно необходимо уйти, но в этом тупике зеленого лабиринта Артема невозможно обойти.

Он поправляет пиджак и сбитую моими руками бабочку.

— Это бизнес. А ты шлюшка, как и твоя мамочка.

Я сама не фиксирую момент, когда моя рука взлетает для второй пощечины. В этот раз удар получается очень легко. На языке горчит от невысказанных слов. Сделка еще в силе. Еще есть шанс. Нельзя подводить папу. Значит, нужно обойти препятствие, нужно немедленно уходить. Дальше будет хуже. Артем уже меняется в лице — до физического неистовства с его стороны остается миллиметр.

— Прежде чем оскорблять мою маму, на свою посмотри, — огрызаюсь я. И вот тут меня прошивает болью. Настоящей, глубокой. Я ничего не знаю о его матери, просто бью вслепую. Я ненавижу такие вещи. И искренне не понимаю, почему алгоритм так резко сломался: только что всё было так хорошо, а теперь из рук вон плохо.

— Если помнишь, старик, — я намеренно выделяю это слово, вкладывая в него максимум презрения. Это совсем не я, это сработала система защиты. Слова пачкают рот, как грязь. — Это ты у меня отсосал, а не я у тебя. Прошлой ночью. И коль радикулит не заработал, пошел вон! Говна кусок.

Тело каменеет. Если он сейчас метнется ко мне, смогу ли я проскользнуть мимо? Высчитываю траекторию.

Вместо этого Артем вдруг запрокидывает голову. Надо мной — ночное небо, усыпанное звездами, чистое настолько, что четко виден пояс Ориона. Артем качает головой, словно отвечая каким-то своим мыслям, и медленно разводит руки в стороны.

Освобождает проход. Мол, топай, тебя никто не держит.

Глава 7

С некоторой опаской я делаю осторожные, выверенные шаги, огибая его по дуге. Пульс бьет в барабанные перепонки так сильно, что заглушает звуки парка. Шагаю. И в последний момент алгоритм дает сбой: его тяжелые руки перехватывают меня поперек живота. Без малейших усилий он отрывает меня от земли и с силой впечатывает обратно в себя. Возвращает на исходную позицию — спиной к своей груди, тазом на свои бедра.

Я мгновенно считываю через тонкую ткань чудовищно твердое, пульсирующее давление на своих ягодицах. Горячо. Обжигает настолько, что тело запускает автономную реакцию, и я чувствую, как между ног становится предательски, неконтролируемо влажно. Безумный коктейль из адреналина, животного страха и чистой физиологии делает свое дело.

Он прихватывает зубами мочку моего уха и дергает. Болевой импульс прошивает нейроны, смешиваясь с возбуждением. Дыхание срывается в судорожный спазм. От физического бессилия перед его габаритами на глаза наворачивается влага.

— Земля круглая, малыш. Если прижмет — приползай, обсудим твою капитуляцию. И прежде чем врать мужчине, что ты его не хочешь, научись вообще врать!

Артем не отпускает. Жестко, подавляюще трется бедрами о мои ягодицы, заставляя кожей прочувствовать каждое движение его эрекции. А затем грубо разворачивает меня к себе лицом, лезет в карман смокинга и резким движением засовывает мне за шиворот, прямо в декольте, свой сложенный белоснежный носовой платок.

— Смени подгузник. Всем всё видно, — сообщает он с уничтожающей иронией и круто отпускает меня, да так, что я едва удерживаюсь на шпильках, чтобы не упасть.

Мозг методично обрабатывает его слова. Он прав. Тонкая ткань промежности промокла. Моё белье сырое, а чертово платье прозрачное насквозь. При малейшем желании каждый гость на балу мог бы рассмотреть темное пятно моей физиологической реакции.

— В следующий раз выбирай платье обдуманнее, — доносится насмешливый голос, пока я, развернувшись, максимально быстро шагаю прочь по аллее.

И только сейчас, когда дистанция между нами увеличивается, меня накрывает пониманием того, что именно произошло. Унижение. Густое, липкое унижение парализует горло. Злость вырывается наружу, и по щекам, искажая видимость, неудержимо текут горячие слезы.

Меня трясет. Лихорадка бьет по мышцам с такой силой, что, запершись в салоне своей «Ауди», я несколько минут просто пытаюсь восстановить дыхательный ритм и осмыслить данные. Я ведь исполнила мамину просьбу? Или только навредила отцу? Зачем она вообще его пригласила? А я? Зачем пришла я? Ответ логичен: потому что не могла не прийти. Весь бомонд здесь, а значит, нужно показывать товар лицом. Мы же образцовая семья, скоро станем такими же сливками общества, как и они.

Я еще несколько раз безуспешно набираю номера родителей, а затем, заведя машину, еду к ним. Статистически они не могли просто так пропустить подобное мероприятие. Остается только догадываться, какая именно переменная выбила их из графика.

Для родительского дома здесь слишком тихо. Я бываю тут почти каждый день и досконально знаю, как мама любит заполнять пространство. Обычно это фоновая музыка, шум льющейся воды, бубнящие телевизоры сразу в нескольких комнатах. К звукам всегда примешиваются ароматы её тяжелых духов, запахи цветущих растений и диффузоров, которые она расставляет повсюду. Сегодня же запахи почти отсутствуют. А звуков нет вообще. Только где-то на втором этаже кто-то что-то двигает, роняет, шуршит.

Дом огромный, трехуровневый, плюс подвал с гаражом на шесть машин. Первый этаж — общие помещения: зал, холл, столовая. Второй — личная зона: спальни, папин кабинет, библиотека. Третий — гостевые комнаты, игровая, бильярдная и сауна.

— Я дома! — сообщаю громко на случай, если кто-то не слышал, как я подъехала и припарковалась у крыльца. — Мам, пап! Есть кто?

В ответ раздается звук катящихся колесиков тяжелого чемодана. В следующее мгновение я вижу, как мама, надрываясь и крича от немалой тяжести, тащит его по лестнице вниз.

— Помоги.

Подрываюсь и присоединяюсь к ней, перехватывая ручку.

— Боже мой, что на тебе надето? — в её голосе звенят ноты возмущения, хотя сама она выглядит не менее нелогично.

Спортивный черный костюм. Очки размером с два чайных блюдца. На макушке — тюрбан темно-красного цвета. А на коже при этом парадный, абсолютно гламурный макияж. Картинка не складывается.

— Почему вы не приехали? Случилось что?

— Ничего не случилось. Я не могу на это смотреть, — она бросает чемодан у подножья лестницы и тычет трясущимися пальцами в мою прозрачную органзу. — Сейчас же переоденься.

— Мам?

— Я сказала, иди, переоденься!

— Мам!

— Ну, за что мне это? Ты меня не слышишь?

На её лице отпечаталась крайняя степень тревоги и недовольства. В глазах плещется толика безумства, за которым, как мне кажется, прячется животный испуг. Хочется возразить, но я оставляю чемодан в покое. Она молча, жестко указывает рукой наверх, и, кажется, еще секунда — и она завизжит от моего непослушания.

Поднимаюсь на второй этаж, попутно отмечая хаос: одежда хаотично разбросана по мебели. Бумаги из папиного кабинета ворохом усеивают паркет, будто осенняя листва. То там, то сям. Их явно быстро просматривали, а лишнее не глядя отбрасывали в сторону. Моя привычная реальность перестает казаться нормальной. Система рушится.

В моей комнате относительный порядок. Я давно здесь не живу, только ночью изредка, поэтому держу минимум вещей. Сдираю с себя ненавистное платье, стягиваю влажное белье — вместе с запахом чужого мужчины и остатками унижения. Поспешно переодеваюсь в простую майку и джинсы. Почти бегом спускаюсь вниз и закрываю дом.

Дом стоит в летней тьме, освещенный только луной и звездами. Сегодня никто не включил ни фонари, ни декоративную подсветку. Воздух звенит: слышно, как стрекочут насекомые, и доносятся приглушенные человеческие голоса от залитых светом соседних коттеджей. Мама уже вытащила чемоданы и ждет у багажника моей Ауди.

Мы торопливо грузим вещи. Садимся в салон.

— Не включай свет, — велит она, напряженно мотая головой и сканируя округу. — Езжай.

— Да что происходит? — завожу двигатель. В этой параноидальной тишине кажется, что он грохочет на всю улицу.

— В аэропорт.

Я выразительно смотрю на нее, но перевожу селектор передач и трогаюсь с места.

— Объясни же. Вы снова поссорились?

Она молчит. Неотрывно смотрит в зеркала заднего вида, вероятно, желая убедиться, что за нами никто не следует. В двенадцатом часу ночи на выездной дороге машин нет.

— Куда ты летишь?

В руках у нее зажата большая дамская сумка синего цвета. Массивная, совершенно не в тон её спортивному костюму и тюрбану.

— В Дубай. Вероятно, — отвечает она, наконец повернувшись ко мне.

— То есть ты не решила? Из-за папы?

Ссоры в нашей семье — явление статистически частое. Но такого радикального сценария с ночным побегом не было еще никогда.

— Из-за него. Он задолжал деньги Танталову, сама всё знаешь.

— В смысле задолжал? Ничего не понимаю.

— Что тут понимать, Алиса? Танталов дал денег, он не сможет их вернуть. Что за этим следует? — она смотрит так, словно готова распять меня прямо здесь за мою тупизну.

— Мама, я не знаю ваших дел. Я думала, со сделкой всё нормально. Мы же сегодня обедали вместе.

Пытаюсь сообразить, выстраивая в голове четкую схему. Уравнение простое: сделка была трехсторонней. Танталов выполнял для папы роль банка. Папа покупал у Берцева всю недвижимость. Танталов проплатил транш нам. Осталось только бумажно заключить сделку. Затем пойдут стандартные оплаты по кредиту в виде ежемесячных выплат. Как в этой конструкции мой отец мог резко задолжать Танталову так, чтобы пришлось бежать? Переменные не сходятся.

Машина плавно вывернула на главную автостраду, и мы влились в редкий ночной поток. Ехать без света больше не имело смысла, да и нарушать правила дорожного движения было нерационально — лишнее внимание патрулей нам сейчас ни к чему. Я щелкнула переключателем, и фары разрезали темноту.

— Алиса, ты как всегда не желаешь меня понимать. Когда же ты вырастешь? Всё элементарно, я же сказала. Отец должен денег, поэтому я уезжаю. Ты не знаешь, кто эти люди? Ты вчера родилась? — голос мамы вибрирует от сдерживаемой истерики.

Я ровно веду машину, перестраиваясь в крайний правый ряд, и методично обдумываю услышанное. Жестче перехватываю кожаный руль ладонями, признавая про себя сухой факт: да, я действительно ничего не понимаю. Данных критически не хватает.

— А почему тогда я не еду? — задаю абсолютно логичный вопрос. Если есть угроза, система должна эвакуироваться целиком.

— Ты ребенок. Всего лишь дочь. Что с тебя взять? К тому же, все знают, что ты не слишком... — она замялась, торопливо подбирая выражение. — Скажем так, не в курсе всего. И кто-то должен будет заняться остальными делами.

Мозг фиксирует эту информацию. Меня оставляют здесь, потому что для окружающих я «со справкой», неполноценная, а значит — с меня не спросят. Родная мать использует мою социальную неловкость как щит для себя. Но эмоция обиды пока не приходит, сейчас нужно следить за дорогой.

— Может, папа по-человечески всё объяснит, — недовольно бурчу я, переводя взгляд на габариты соседних машин. У папы с логикой всегда было лучше.

— Это вряд ли.

Глава 8

Эта её манера всё решать за отца всегда вызывала во мне глухое, почти физическое отторжение. Он слишком часто встает на её сторону — так было с моим поступлением в университет, затем с получением прав на машину, потом с решением жить отдельно. Мама искренне, фундаментально убеждена, что обладает монополией на управление нашими жизнями. Это ломает все мои внутренние алгоритмы справедливости. Я некоторое время молчу, сжимая челюсти, давая себе время переварить этот острый импульс обиды. Ничего. Отец всё объяснит. Наверняка он сейчас в офисе. Дома его ведь не было.

— А почему вы на звонки не отвечали?

— Телефонов нет, — сообщает она. Её руки лежат на коленях, и она нервно, методично разминает суставы пальцев, словно пианист перед сложной партией. Взгляд абсолютно отсутствующий.

— Что это значит? Физически нет?

— Алиса, хватит, неужели не понятно? Нет — значит, нет! Совсем. Вернешься домой и сама всё увидишь.

— Ты хоть позвонишь, когда прилетишь на место? Мой сотовый остался со мной.

Она мгновенно выпрямляет спину. Расслабленность улечивается, взгляд цепко, параноидально сканирует меня с ног до головы.

— Где твоя сумочка?

— Дома, — этот резкий перепад её настроения сбивает меня с толку, заставляя мышцы шеи напрячься. — Я забыла её, когда в спешке переодевалась.

— Хорошо, — она шумно выдыхает, откидывается на подголовник и снова уставляется на мелькающие огни автострады. — Одной проблемой меньше.

— Позвонишь?

— Позвоню обязательно, как только появится возможность.

Дальше мы едем в абсолютном вакууме, если не считать монотонного шелеста кондиционера. Я больше не пытаюсь задавать вопросы, а она молчит, погруженная в свои тяжелые расчеты. Этот паттерн мне знаком: так происходит всегда, когда их система отношений с отцом дает критический сбой.

Мы проезжаем шлагбаум платной парковки. Я глушу мотор и выхожу, чтобы помочь выгрузить багаж. Четыре массивных чемодана — в одиночку ей физически не справиться. Ночной воздух здесь гудит, вибрируя от низких частот самолетных двигателей. Дневная жара окончательно отступила, кислород наполняет легкие свободно.

— Не провожай, — жестко обрубает она. — Если кто-то спросит, ты меня сюда не привозила. Ты меня вообще не видела с самого обеда. Понятно?

Моя внутренняя система безопасности начинает мигать красным. Инструкция лгать означает прямую угрозу. Очевидно, что ситуация плохая. Но каков масштаб этой катастрофы? Транш от Танталова вроде приходил. Но Берцев на балу четко сказал: ему так и не заплатили. Значит, деньги до него не дошли. Мозг отчаянно пытается уцепиться за самую безопасную гипотезу: возможно, это просто очередная мамина театральная драма, радикальный способ воздействия на отца. Но статистика сюрпризов на эту ночь еще не исчерпана.

— Алиса, ты меня слушаешь?

Рядом мягко тормозит машина Яндекс.Такси. Дверь открывается, и на асфальт шагает Назар. Вероятность такой встречи в многомиллионном городе стремится к нулю. Он высокий, с плотным мышечным каркасом — результат регулярных тренировок в зале. У него кавказская, объективно очень привлекательная внешность, идеальная симметрия лица. Девчонки с

моего факультета постоянно просили с ним познакомиться. Сейчас он одет в простые джинсы и футболку, почти как я, только за широким плечом висит объемная дорожная сумка.

— Привет.

— Вы что, вместе? — я перевожу медленный, сканирующий взгляд на маму. — Летите.

— Совпадение, — ровно объясняет она.

Но я отчетливо вижу, как смягчаются жесткие линии её лица при его приближении. Расслабляются плечи.

— Но я рада этому. Хотя бы буду не одна.

Мозг мгновенно отвергает версию с совпадением. Математика не сходится. Слишком много переменных в одной точке: её спешка, его дорожная сумка, один и тот же рейс в Дубай.

— Папа знает?

Абсолютно нелогичный, бессмысленный вопрос.

— Знаешь, это вовсе не то, что ты подумала, — кажется, впервые в жизни мама смотрит на меня не как на ребенка. — Ему всегда было наплевать, вообще-то. Ему уже все равно.

Это откровенная ложь. Настолько очевидная, что я не знаю, какие данные подставить в эту формулу, чтобы оправдать свою мать. У нас всегда была дружная семья. Последний год их жестко трясло, но ведь все семьи проходят кризисы. Разве можно было статистически предсказать такое?

Назар берет пару ее чемоданов.

— Мы торопимся, — сообщает он ровно, словно у них всё давно куплено, спланировано и оплачено.

До меня, наконец, предельно четко доходит: им все равно. Ей все равно. Равнодушно, что подумает или скажет отец, равнодушно, что чувствую я, глядя на своего бывшего парня в роли её сопровождающего. Она уезжает в лучшую жизнь.

— Ты неверно все поняла, — мама читает меня словно открытую книгу. — Твоему отцу уже не помочь, а меня Танталов убьет.

— Ты нас бросаешь, — из меня выходит только сухой шепот.

В груди образуется тяжелый ледяной вакуум. Настоящая, пульсирующая рана откроется позже. За папу. За себя. А пока мозг просто фиксирует факты: она кинула его. Меня. Уезжает с мальчишкой, годящимся ей в сыновья. А если всё действительно так плохо, то и в беде бросила.

— Я вернусь, как только все уладится, обещаю. Алиса!

Я не реагирую. Смотрю в небо, наблюдая, как по кривой взлетает очередной самолет. Небо кажется безмерной пропастью, куда прямо сейчас сваливается моя жизнь. Нет у неба дна. Система выдает критическую ошибку: что мне следует сделать? Должна ли я что-то делать? Как правильно поступить в условиях абсолютного предательства?

— Алиса, посмотри на меня. Сейчас же!

Перевожу на нее стеклянный взгляд. Мама берет меня за локоть и успокаивающе гладит по щеке. От этой привычной, ритмичной тактильности телу становится физически легче. Немного прихожу в себя. Мир остается на месте. Мама тоже.

— Я люблю тебя. Я вернусь. Тебе придется подождать. Ты же не хочешь, чтобы меня здесь убили?

Киваю. Звучит логично. Может быть, она и права. Я все слишком близко приняла к сердцу. Если над человеком нависает угроза жизни, он имеет базовое право бороться за свое существование. Имеет право себя спасти.

— Девочки, мы опоздаем на самолет.

Я ненавижу низкий тембр Назара и его самого теперь тоже ненавижу. Не смотрю в его сторону, но ощущаю острую, первобытную потребность разодрать ногтями все его симпатичное, симметричное лицо. До крови, до шрамов.

Мама тянется ко мне, застывшей, и целует в щеку. Пахнет ее духами. Она любит Кристиан Диор.

— Ну, все, береги себя. Будь сильной.

Они берут чемоданы и шагают под шуршание пластиковых колесиков об асфальт. Я смотрю ей вслед, как она уходит со своим молодым любовником. Даже в спортивном костюме она прекрасна. Прямые плечи, гордая осанка, шаг как у фотомодели. От нее веет достоинством и настоящей женщиной. Роскошной, знающей себе цену шлюхой.

Я стою на месте и думаю о том, как расстроится отец. Потому что не смогу физически произнести эти слова вслух. Но, может быть, он и так всё знает. И это будет неплохо — тогда мне не придется исполнять роль печального вестника. Может быть, я одна, как всегда, не в курсе всего происходящего.

Некоторое время я не двигаюсь. Слушаю звуки вокруг, позволяя им заполнить пустоту в голове. Люди приезжают и уезжают, хлопают дверцами машин, шуршат багажом, торопятся. Периодами до ушей доносится надрывный бас — это самолеты прогревают двигатели в ночной прохладе. Некоторые взлетают, вибрируя и уходя в небо богатым, пространственным гулом. Где-то эхом отзывается ритмичный стук поезда. Под высокими прожекторами звезд почти не видно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.